

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Философия разума

Энтони Кенни, автор этого четырёхтомного труда, в своём анализе узловых проблем философии современности переходит от логики к методологии познания, а потом от интенциональности – к разделу философии разума, который находится на стыке философии и психологии. Действительно, в XX веке был сделан прорыв в этой науке, и мало признаваемая, запутанная психология превратилась в прикладную, востребованную науку.

Энтони Кенни говорит, что в континентальной Европе анализ ментальных понятий проходил иначе, чем в Британии и Северной Америке. Абсолютный идеализм Гегеля затрудняет проведение различия между философией разума и метафизикой. Шопенгауэр, однако, начиная с различия Канта между пониманием (*Verstand*) и разумом (*Vernunft*), предлагает подробное исследование различий, которые выделяют человека из когнитивных способностей животных.

Понимание (как и ощущение) животные разделяют с людьми, потому что понимание – это способность постигать причинные отношения, что животные могут делать. Действительно, пронизательность таких животных, как лисы и слоны, иногда превосходит человеческую слабость. Но только люди обладают разумом, то есть абстрактным знанием, воплощенным в понятиях. Разум (по Шопенгауэру) – это способность к рефлексии, которая ставит человека намного выше животных как в силе, так и в страдании. Животные живут в настоящем, человек живет одновременно и в будущем, и в настоящем, и в прошлом.

Разум наделяет людей тремя великими дарами: языком, свободой и наукой. Первое и самое важное – это язык. Язык – причина наиболее важных достижений – гармоничное и последовательное действие нескольких лиц, сотрудничество многих тысяч людей, цивилизация, государство, наука, хранение предыдущего опыта, обобщение в понятия, сообщение правды, распространение мыслей и стихи, догм и суеверий.

Важность абстрактного знания заключается в том, что оно может быть сохранено и распространено. Понимание может объяснить нам режим работы рычага или опоры арки. Но для строительства машин и зданий требуется больше, чем понимание. Для практических целей иногда может быть предпочтительным простое понимание. Мне бесполезно абстрактно знать точный угол в градусах, под которым я должен применять бритву, если я не знаю её интуитивно, если я её не чувствую. Но когда необходимо долгосрочное планирование или требуется помощь других, важны абстрактные знания.

Животные и люди, по словам Шопенгауэра, имеют волю, но только люди могут обдумывать. Только в абстрактном виде различные мотивы могут быть одновременно представлены в сознании как объекты выбора. Этическое поведение должно основываться на принципах, но принципы абстрактны. Однако разум, хотя и необходим для добродетели, не достаточен для неё. Как говорил Шопенгауэр, великое зло не меньше, чем доброта, даёт большую эффективность в других».

Для Шопенгауэра, воля присутствует и активна во всей Вселенной, но мы постигаем её природу только через человеческую волю, которую мы сами осознаём. Все желающие, говорит Шопенгауэр, возникают из нужды, недостатка и, следовательно, из страдания. Желание может быть исполнено, но на одно желание, которое удовлетворено, есть десять, которым отказано. Желание длится долг, исполнение только мгновенное. «Ни один достигаемый объект желания не может дать прочного удовлетворения, лишь мимолетное удовлетворение. Это подобно милостыне, брошенной нищему, которая поддерживает его жизнь сегодня, чтобы его страдания могли быть продлены до завтрашнего дня».

Как правило, знание служит воле, занимаясь удовлетворением своих желаний. Это всегда имеет место у животных и символизируется тем, как голова низшего животного направлена к земле. В людях также, по большей части, знание является рабом воли. Но люди могут подняться выше рассмотрения объектов как простых инструментов для удовлетворения желания. Человек стоит прямо, и, подобно Аполлону Бельведерскому, он может смотреть на далёкое расстояние, принимая отношение созерцания, не обращая внимания на потребности тела.

В этом состоянии человеческий разум сталкивается с новым классом объектов. Не только Локковские идеи восприятия, не только абстрактные идеи разума, но и универсальные идеи, описанные Платоном. Способ постичь идеи таков: пусть всё ваше сознание будет наполнено тихим созерцанием пейзажа или здания, и забудет вашу индивидуальность, ваши собственные потребности и желания. То, что вы будете знать, больше не будет индивидуумом, а будет вечной

формой, определенной степенью объективизации вселенской воли. И вы потеряете себя и станете чистым, безболезненным, вечным субъектом знания, видя вещи «Sub specie aeternitatis» (лат. «С точки зрения вечности»). «В таком противостоянии конкретная вещь сразу становится идеей своего вида, а воспринимающий индивидуум становится чистым субъектом знания. Человек как таковой, знает только определённые вещи; чистый субъект знания знает только идеи». В созерцании, свободном от рабства воли, мы теряем заботу о счастье и несчастье. Действительно, мы перестаём быть индивидуальными. Мы становимся «одним глазом мира, который выглядывает из всех знающих созданий, но который может стать совершенно свободным от служения воли только в человеке».

Каждый человек имеет возможность познать идеи в вещах, но специально избранный человек может обладать этими знаниями более интенсивно и непрерывно, чем обычные смертные. Такой человек – это то, что мы подразумеваем под гением.

Шопенгауэр излагает для нас характеристики гения. Гений – это творческий и неугомонный. Он не любит математику. И живёт на границе безумия. Его дар находит выражение в произведениях искусства. Именно через произведения искусства те из нас, кто не является гением, могут быть введены в освобождающий эффект созерцания. Шопенгауэр излагает это в подробном рассмотрении различных искусств. Однако избавление от тирании воли, предлагаемой искусством, является ограниченным и временным. Единственный путь к полному освобождению – полностью отказаться от желания жить.

Что в системе Шопенгауэра является отношением между душой и телом? Существует полное неприятие дуалистической идеи о том, что есть причинно-следственные связи между внутренним и внешним. Воля и движения тела – это не два разных события, связанных причинно-следственной связью. Действия тела – это действия воли, ставшей ощутимой. Тело со всеми его частями, говорит Шопенгауэр, есть не что иное, как объективизация воли и ее желаний. Зубы, горло и кишечник – это объективированный голод. Органы размножения – это объективированное сексуальное желание. Хватательная рука, спешащие ноги соответствуют более косвенным желаниям воли, которую они выражают. Как человеческая форма в целом соответствует человеческой воле в целом, так и индивидуальная телесная структура соответствует индивидуально измененной воле, характеру личности. Поэтому она во всём и во всех ее частях характерна и полна экспрессии. Шопенгауэр здесь предвосхищает известное замечание Витгенштейна «Человеческое тело – лучшая картина человеческой души».

Тело тесно связано как со знанием, так и с желанием. Моё собственное тело является отправной точкой моего восприятия мира, и моё знание других ощущаемых объектов зависит от их воздействия на моё тело. Но даже когда мы поднимаемся выше знания идей, тело всё равно играет роль, как довольно удивительно говорит нам Шопенгауэр. «Человек – это одновременно стремительное и слепое устремление воли (чей полюс или фокус находится в гениталиях) и вечный, свободный, безмятежный субъект чистого знания (чей полюс – мозг)».

Есть ли какая-то часть человеческого существа, которая выживает после смерти тела? Или нас ожидает полное вымирание? С одной стороны, Шопенгауэр говорит: «Перед нами, действительно, только ничто». С другой стороны, он может сказать: «Если бы одно существо, даже самое незначительное, было полностью уничтожено, весь мир был бы неизбежно уничтожен им».

Последнее утверждение вытекает из метафизического принципа, согласно которому воля, являющаяся внутренней реальностью каждого человека, сама по себе является единой и неделимой. Устные переводчики стремились примирить эти два утверждения, уверяя, что при смерти человеческая личность поглощается единой волей. Таким образом, она продолжает существовать, но теряет всякую индивидуальность.

Далее Энтони Кенни переходит к экспериментальной психологии. И говорит, что по мере развития в XIX веке психологи пытались запустить новую науку разума, которая изучала бы ментальные явления эмпирическими и экспериментальными методами.

В Европе первая психологическая лаборатория была создана в 1879 году в Лейпцигском университете Вильгельмом Вундтом, профессором физиологии, специализирующимся на нервной системе. И который пять лет спустя опубликовал влиятельный текст под названием «Принципы физиологической психологии».

Для Энтони Кенни важно, что именно к Вундту приехал учиться в этой области Уильям Джеймс. Через несколько лет Джеймс создал лабораторию психологии в Гарварде. А в 1878 году ему была присуждена первая докторская степень в области психологии.

Джеймс подытожил результаты новой науки в своих томах «Принципы психологии» (1890 г.). Это большая работа, описанная Бертраном Расселом как обладающая «наивысшим возможным совершенством».

Задачей новой психологии было соотнесение психических состояний с процессами в головном мозге и нервной системе. Учебник Джеймса познакомил студентов с актуальной физиологией и доложил о работе европейских психологов по времени реакции подопытных. Эта работа варьировалась в широких пределах – от инстинктивного поведения животных до явлений гипноза. Большую часть времени Джеймс занимался разъяснением работ других учёных, но время от времени он вносил собственный оригинальный вклад в эту тему.

Гораздо больший интерес в философии разума, конечно, представляет наследие австрийского психоаналитика Зигмунда Фрейда. О нём достаточно хорошо известно. Мне хотелось бы просто заострить внимание слушателя на природе оговорок по Фрейду.

Энтони Кенни уделяет определённое внимание этому вопросу, потому что многие психологи сегодня считают, что утверждение Фрейда о том, что большая часть нашей умственной жизни является не больше, чем философским общим местом. По мнению Энтони Кенни, под бессознательным Фрейд имел в виду нечто большее – знания, мысли и чувства, подобные тем, что могут быть легко доведены до ума в соответствующих обстоятельствах.

Если кто-то спросит Энтони Кенни о дате битвы при Ватерлоо, он сможет дать ответ. Если его финансовый консультант спросит Кенни о пенсионном обеспечении, у него не возникнет никаких проблем с признанием, что это вызывает озабоченность. Кенни считает, что бессознательное, которое постулировал Фрейд, совсем не так легко довести до сознания.

Как известно, существует три уровня фрейдистского бессознательного. Чтобы разобраться в них, мы должны помнить, что существует три набора явлений, которые раскрывают существование бессознательного: тривиальные повседневные ошибки, сообщения о сновидениях и невротические симптомы.

Мы все часто делаем ошибки в языке, иногда не можем вспомнить имена, путаем названия полезных предметов. Фрейд считал, что такие «парапраксы», как он их называл, не так уж случайны, как могут показаться и имеют скрытые мотивы.

Фрейд приводит пример венского профессора, который в своей вступительной лекции вместо того, чтобы согласно его сценарию сказать: «Я не намерен недооценивать достижения моего прославленного предшественника», выдал: «Я намерен недооценивать достижения моего прославленного предшественника». Фрейд расценивает ускользание языка профессора как лучшее руководство к его намерениям.

Я заостряю на этом внимание для того, чтобы наши слушатели более внимательно относились именно к оговоркам. Они в нашем обществе таят в себе очень интересные явления социально-психологического, оценочного характера. Думаю, что именно в этом направлении молодые казахстанские учёные чем-то обогатят отечественную науку. Я хочу попрощаться с вами.